

Андрей Лазарчук

ТРАНКВИЛИУМ

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

Санкт-Петербург / Москва

2 0 2 1

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Л17

Лазарчук А.

Л17 Транквилиум / Андрей Лазарчук. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2021. — 629 с. — (Серия «Пальмира — фантастика»).
ISBN 978-5-521-73914-1

Андрей Лазарчук — живой классик русской фантастики, ученик братьев Стругацких и создатель собственной литературной школы, лауреат всех основных премий в своем жанре. Однако сам писатель полагает, что его произведения не являются фантастикой как таковой. Определяя собственный художественный метод, он называет его «турбореализмом».

Транквилиум. Параллельный мир, мир благородных аристократов и отважных мореходов, романтических революционеров и крепостных крестьян — на дворе XIX век. А еще Транквилиум служит ареной тайных операций Комитета государственной безопасности СССР. Ведь каждое событие в параллельном мире неизбежно отражается на Земле. Итак, наступили 80-е годы XX века, и дверь в Транквилиум открыта...

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-521-73914-1

© Лазарчук А. Г., 2021
© Оформление.

АО «Т8 Издательские технологии», 2021

*Это самое место, которое ты называешь
изгнанием, является родиной живущих здесь.
И ничто не является несчастьем, если ты не
считаешь его таковым, напротив же, кажется
блаженным жребием всё, что ты перено-
сишь терпеливо... Есть ли что-нибудь более
ценное для тебя, чем ты сам?*

Боэций

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЯНТАРНОЕ МОРЕ

Всякое различие разъединяет, и всё стремится к подобию; поэтому то, что стремится к чему-либо другому, по природе своей, очевидно, такое же, как то, к чему оно стремится.

Боэций

1

Тот памятный день начала лета тысяча девятьсот восемьдесят третьего года от Рождества Христова, день, в который мятежный крейсер «Дефендер» подверг бомбардировке гавань и нижний город Порт-Элизабета, дав тем самым толчок беспорядкам и смуте вначале на Нью-Айрленде, и затем и на материке, — этот день леди Светлана не забыла до самой смерти, но совсем по другой причине...

Утро начиналось безмятежно и размеренно.

— Кофе, мэм! — ослепительно улыбаясь, впорхнула Люси. Зелёные глазки её сияли. — Что желаете на завтрак?

Это был почти пароль, но Светлана решила уточнить:

— Милорд муж уехал?

— Да, мэм. Ещё до рассвета.

— Что-то случилось?

— Я не знаю. Спросить у Филиппа?

— Не стоит, Люси. Последнее дело — лезть в дела мужа.

— О да, мэм. Итак, на завтрак?..

— Земляника, бананы, орехи, мороженое.

— Шоколад, мэм? Вчера привезли наконец тот, который вы любите.

— «Петровский»? Не может быть.

— Может, мэм.

Горький твёрдый палладийский шоколад был слабостью Светланы. Одной из маленьких простительных слабостей. Он имел вкус детства. На Нью-Айрленде и вообще в Мерриленде такого не делают. Здесь в ходу мягкие сорта с молоком и дольками засахаренных фруктов. Это тоже вкусно, но иначе, иначе...

— О, Люси! Я так долго ждала этого известия! Теперь всё пойдёт по-другому!..

Дурачась, она сказала эти слова — и кто же мог знать, что звучит пророчество?

— Ванна готова, мэм. Мэй тоже готова. Вам помочь?

— Побереги силы до тех пор, когда я стану бабушкой...

Нельзя, нельзя бросаться словами. Пониже горла тут же возник крошечный, но неприятный комочек. После двух лет замужества она так и не совершила того, чего от неё ждали и требовали, — и теперь уже не надеялась совершить. Констанс за спиной холодно и нагло говорила о разводе: по закону три года бездетности есть самое веское основание для одностороннего расторжения брака. Вся родня, весь этот несчастный баронский клан навалится на Сайруса и вынудит его подать прошение. Их можно понять: должен появиться наследник...

Не сегодня. Об этом — не сегодня. И вообще — собственное тело подсказывало Светлане, что дело не в ней. По крайней мере, не в ней одной.

Холодно отзвонили часы. Половина чего-то.

Встаём.

А вставать не хотелось. Наоборот, хотелось лежать и слушать звуки, приходящие снаружи, из сада и далее: с площади, от почтовой станции, с вокзала. И, впав в полудрёму, рассмотреть тот сон, который...

Забыла.

Обидно. Сон был из тех редких снов, которые оставляют после себя множество взъерошенных мыслей и чувств, но

сами — исчезают, испаряются, как пролитый эфир, и — не удержать, нет.

Жизнь — слишком скучная штука, чтобы ещё и забывать взъерошенные сны. Тем более — жизнь в этом чистом, богатом, удобном, но, Боже мой, до чего размеренном и чопорном доме, где всё известно наперёд, где даже мухи в кружевных чепчиках...

Спасибо Люси — без неё хоть волком вой.

Ма-аленькой такой волчицей...

Светлана откинула покрывало и спустила ноги на пол. На мягкий болотного цвета ковёр. Вот и с этим ковром: ей хотелось сине-белый, но кто её спрашивал? Милорд муж распорядился...

Она нащупала плетёные домашние туфли, приняла от Люси халатик. Хуже всего, что эти мысли, когда-то стыдные и пугающие, стали почти привычными.

Одна услада — титул.

Леди Стэблфорд.

С заспанной и всем недовольной мордой. Смешно.

Ванна ждала: прекрасная дубовая лохань, полная горячей воды и взбитой душистой пены. И Мэй ждала, смуглая, голая, в кожаном блестящем передничке. И там, в воде, пахнущей бантусаном и яблоневым цветом, под крепкими и нежными руками ваннщицы, Светлана понемногу вернула себе лёгкое и даже приподнятое настроение забытого сна. Ну, разведётся с ней Сайрус — и что? В двадцать лет жизнь не кончается, мир велик, городов много... Титул она потеряет? А видела я этот титул знаете где? Боцман Завитулько вам скажет.

Отец, конечно, расстроится. Что делать — не бывает же так, чтобы никто даже и не расстроился. И потом — целый год впереди, мало ли что может произойти за год?

Она не заметила, что последние слова произнесла вслух.

— Конечно, мэм, — отозвалась Мэй. — Но знаете, что я вам скажу? Лежачие камни обрастают мхом.

— Доля наша такая — лежащая...

— О да, мэм. По крайней мере, мужчины должны быть в этом уверены. Но это не значит, что лежать мы должны всё время на одном месте.

Светлана вдруг покраснела. Сон вспомнился. Медведь. Молодой медведь. Она занималась с ним любовью.

— Что я скажу, миледи, — Мэй понизила голос. — Это всё только кажется сложным. И страшным. Вы уж мне поверьте. Уж это-то я знаю.

— Нет, Мэй, нет...

— Так вот сразу и нет. Вы поразмыслите тихонечко. Главное ведь — никому никакого убытка, а лишь одно сплошное удовольствие и исполнение желаний.

— Не надо, Мэй. Даже слышать о таком не хочу.

— Словом, как надумаете — шепните мне или Люси. Мы ведь вас любим. Правда же.

Мэй размяла её на жёсткой кушетке, помогла одеться в домашний костюм: широкие льняные штаны и льняную же блузу цвета морской травы с пепельно-серой отделкой. Волосы, заколотые на время купания, Мэй распустила и стала расчёсывать тяжёлым серебряным гребнем. Сидя перед опотевшим по краям зеркалом, Светлана смотрела на себя — и нравилась себе. Да, чуть бледноватое лицо, и больше, чем хотелось бы, веснушек на щеках, и скулы напоминают о далёких татарских предках — но зато глаза! Зато волосы! Если вот так наклонить голову и взмахнуть ресницами, у мужчин сразу слабеют колени. Ах, говорил ей тогда, перед свадьбой, Лёвушка Каульбарс: в такие глаза — как в омут!.. Где он теперь, Лёвушка? Вправду, как в омут. Тихо, в ночь, втайне от всех ушли тогда кильботы...

А в волосы влюбился Сайрус. Не во всю её — только в волосы. Вот они — бронзовая волна. Недолго длилась влюблённость, да кончилась свадьбой. Именно — кончилась. Любовь так и не пришла, и семьи не получилось, и вот живут приветливо, но отдельно друг от друга два человека, иг-